

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет

Е.В. Рябова

Вологодская средняя общеобразовательная школа № 20

имени героя Советского Союза Долгова Владимира Константиновича

РОЛЬ БЕЗЫМЯННОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЦИКЛЕ И.А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ» (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «КАВКАЗ» И «ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ»)

Безымянность многих главных героев цикла рассказов «Темные аллеи» является не менее важной составляющей антропонимического ядра ономастического пространства художественного произведения, чем сами личные имена. Если безымянный повествователь типичен для ряда рассказов цикла, то безымянная рассказчица появляется только в одном («Холодная осень»). С помощью приема лексико-семантического (компонентного анализа), а также приемов лингвопоэтики в работе предпринята попытка раскрыть символическое значение безымянности героев двух бунинских рассказов.

Имя в тексте, ономапозитика, лингвистическая поэтика, категория безымянности.

Первостепенную роль в ономастическом пространстве цикла И.А. Бунина «Темные аллеи» играют имена героинь, многие из которых вынесены в позицию заголовка. Безымянность многих главных героев является не менее важной составляющей антропонимического ядра, чем сами личные имена. Это значимое отсутствие имени. Безымянность как категория ономастологии нечасто попадала в поле зрения исследователей, так что можно считать, что общая схема ее рассмотрения еще не сложилась. Н.В. Васильева пытается найти ответ на вопрос, какую роль в мире художественного текста играют приемы, связанные с отсутствием собственного имени, говоря о «ликах безымянности» и «метаморфозах» безымянности. Различаются такие виды безымянности, как «неименные имена», «незнание имени» и «сокрытие имени» [3, с. 108].

В девяти рассказах сборника повествование ведется от первого лица безымянного рассказчика. Обнаруживаются некоторые типологически сходные черты этого героя-рассказчика, которые будут показаны на примере главного героя новеллы «Кавказ». Безымянные женские персонажи в цикле тоже есть, но только в рассказе «Холодная осень» повествование ведется от лица безымянной героини. Данная работа посвящена изучению символического значения безымянности героев двух бунинских рассказов с помощью приема лексико-семантического (компонентного анализа), а также приемов лингвопоэтики.

Изучая семантику имени героя в тексте художественного произведения, мы опираемся на концепцию, что у имени собственного есть лексическое значение и до текста, и в тексте. Дотекстовая семантика имени содержит общеязыковые семы категориально-грамматического компонента: 'предметность', 'одушевленность', 'конкретность'; языковые семы предметно-понятийного макрокомпонента: 'человек', 'пол', 'национальность'

и т.п. [8, с. 16]. Имя входит в текст, и объем его значения расширяется, наполняясь речевыми семами благодаря связям с другими онимами, а также с апеллятивной лексикой в тексте.

Личные местоимения (я, он, она) являются компонентами номинативного ряда (ряд включает в себя все внутритекстовые номинации персонажа), но в случае с безымянным героем именно местоимение этот ряд возглавляет. Местоимения не являются обозначениями понятий, их функция состоит в замене полнозначных слов, являющихся названиями понятий, или в указании на предмет [4, с. 134]. Учитывая эту особенность и личных местоимений тоже, в структуре их лексического значения можно выделить дотекстовые семы категориально-грамматического компонента: 'указание на лицо', 'одушевленность', 'конкретность'. Как и имена собственные, личные местоимения расширяют объем своего лексического значения речевыми семами, вступая в системные отношения с другими словами в тексте.

«Кавказ» был написан в 1937 году. И.А. Бунин сообщил об истории его создания следующее: «Написал этот рассказ, вспомнив, как однажды – лет сорок тому назад – уезжал из Москвы по Брянской дороге с женой одного офицера, с которой был в связи и которую он провожал на Брянском вокзале в Киев, к ее родителям, не зная, что я уже сижу в поезде, еду с ней до Тихоновой пустыни. Это была очаровательная, веселая, молоденькая, хорошенькая женщина с ямочками на щеках при улыбке, решительно ничем не похожая на ту, что написана в «Кавказе», сплошь, кроме воспоминания о вокзале, выдуманном; на Кавказском побережье я тоже никогда не был, – был только в Новороссийске и в Батуме, видел прочее побережье только с парохода <...> А муж ее вполне мог застрелиться именно так, как в рассказе, если бы узнал про ее измену» [1, с. 368–373]. С.А. Скуридина говорит о

том, что «любой факт биографии, даже незначительный, но отмеченный в сознании автора, является ономастическим импульсом при создании художественного текста [5, с. 29].

Итак, повествование ведется от 1-го лица в форме воспоминаний рассказчика. Героиню он обозначает только личным местоимением 3 лица – *она*. Мужа героини и рассказчик, и сама героиня обозначают тоже только местоимением *он*. Все персонажи вводятся в текст без имени, без имен в нем существуют, являя собой классический любовный треугольник (*я – он – она*) и реализуя стратегию безымянности «сокрытие имени».

Контекстуальный анализ апеллятивного окружения местоимений позволяет дополнить состав их лексического значения речевыми семантиками предметно-понятийного компонента. *Я*: 'молодой', 'одинокий', 'влюбленный', 'страстный', 'воровски', 'действующий', 'неспособный', 'быть' 'с женщиной' 'в длительных' 'полноценных отношениях'. *Она*: 'женщина', 'тайная', 'любовница', 'любящая', 'взволнованная', 'осторожная', 'угнетаема', 'страхом', 'разоблачения', 'кары', 'играющая' 'со смертью', 'молящая' 'о любви', 'отдающаяся' 'страсти'. *Он*: 'муж', 'военный', 'хозяин', 'собственник', 'надежный', 'заботливый', 'его' 'высокой' 'фигурой', 'офицерским' 'картузом', 'узкой шинелью', 'что-то' 'подозревает', 'самолюбивый', 'властный', 'жестокый' 'характер'.

Обратим внимание на то, что речевое поведение мужа героини дано в ее интерпретации: *Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!* [2, с. 12]. Именно героиня характеризует его как самолюбивого человека, подозрительного, властного: *...что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, – может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу <...> Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере* (Там же).

Для построения всей композиции рассказа большое значение имеет топонимическая парадигма: *Москва – Арбат – Кавказ – Сочи – Геленджик – Гагры*. Время действия, как и во многих других рассказах цикла, – лето – период расцвета природы и период страсти, опьянения любовным чувством. Хронотоп рассказа построен на противопоставлении *Москвы*, которая изображена как холодное, дождливое, неуютное место, югу, *Кавказу*, месту тепла, света, красоты. В описании природы присутствуют аллюзии на литературный образ Кавказа, известный, например, по творческому наследию А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Этот поэтический образ Кавказа сливается в читательском сознании с семантическим контекстуальным наполнением лексического значения местоимения *он*, и все вместе создает ожидание развязки, в той или иной степени соответствующей обычаям народов Кавказа. Муж (тем более офицер) должен отомстить за поруганную честь, свою и жены.

Неожиданная развязка (самоубийство офицера) обнаруживает несоответствие внутритекстовой семантики местоимения *он* такому завершению сюжет-

ной коллизии. Я-рассказчик вспоминает об этой истории из прошлого, для него это эпизод в ряду других событий. Ожидаемого по ходу сюжета его личного столкновения с мужем героини не было – вместо кровной мести за оскорбленную честь муж казнит не неверную жену, а себя. Вынесение в заглавие поэтопонима *Кавказ* служит также созданию эффекта неожиданного финала, переворачивающего все представление о рассказанной истории.

Обратимся к рассказу «Холодная осень». Он был создан в 1944 году, и в нем отразились размышления писателя о тяжелой судьбе эмигрантов, о войне как роке, вторгавшемся в судьбы людей. Повествование ведется от лица безымянной главной героини, внутритекстовая парадигма номинаций которой выглядит следующим образом: *Я – ты – милый друг – ваше сиятельство*.

Речевые семы предметно-понятийного компонента значения местоимения *я* обнаруживаются из рассказа героини о самой себе: 'дворянка', 'из богатой', 'любящей' 'семьи', 'невеста', 'блестят' 'глаза', 'горько' 'заплакавшая', 'сирота', 'баба' 'в лаптях', 'вдова', 'одинокая', 'нищая'.

Внутритекстовая парадигма номинаций возлюбленного героини состоит из следующих компонентов: *Он – жених – ты – душа моя (в речи отца героини) – будущий сын (отношение к нему матери героини)*. Речевые семы предметно-понятийного компонента обнаруживаются из рассказа героини о нем: 'с милой' 'усмешкой', 'хорошо' 'образованный', 'поэтическая' 'натура', 'немногословный', 'любящий', 'грустный', 'предчувствующий' 'свою' 'смерть'.

Портрет героини практически отсутствует, но в нем выделена только одна черта, которая подчеркивает исключительно душевные качества: *Как блестят глаза* [2, с. 270]. Внешние детали отражают внутренние страдания, претерпеваемые героиней: *Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и растянутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, – то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молью <...> я бабой, в лаптях* (Там же, с. 271).

Отсутствие имени главной героини тем не менее обеспечивает ему (значимому отсутствию) ядерное положение в ономастическом пространстве рассказа, к нему (*Я*) ведут «ниточки» от всех других онимов.

С образом безымянной героини связана топонимическая парадигма: *имение родителей – Москва – Смоленский рынок – Арбат – Екатеринодар – Дон, Кубань – Новороссийск – Турция, Константинополь – Болгария – Сербия – Чехия – Бельгия – Париж – Ницца*. *Я* героини соотносится с широчайшим географическим контекстом, но для нее значение имеет всего лишь одно место на карте, тоже не имеющее названия в тексте, – сад в имении родителей, где она навсегда попрощалась со своим возлюбленным и ее личное время для нее замерло, а земное, мирское пошло дальше и растянулось еще на долгие годы: *Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тай-*

ные мысли и чувства <...> Он, помолчав, медленно выговорил [2, с. 268]. Перед читателем глазами героини создается образ по-настоящему любящего человека: Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне (Там же, с. 270). Человека, который по-христиански принимает свою судьбу: Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там (Там же).

Важную роль играет идеоним – название стихотворения А. Фета по его первой строке, ведь именно он вынесен в заглавие рассказа и тоже останавливает время жизни души главной героини, превращая его в вечность. Она всегда помнит о той холодной осени, о словах своего любимого, и ее земной путь – лишь возвращение в тот осенний сад: *Какая холодная осень! / Надень свою шаль и капот; / Смотри: из-за дремлющих сосен / Как будто пожар восстает. / Сияние северной ночи / Я помню всегда близ тебя, / И светят фосфорные очи, / Да только не греют меня* [7, с. 104]. Не только первая строчка с упоминанием холодной осени, но строка о том, что «пожар восстает», процитированная женихом героини, становится для нее зловещим предзнаменованием.

Неслучайно в тексте рассказа и упоминание геортонима *Петров день*: *На Петров день к нам съехалось много народу, – были именины отца, – и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятнадцатого июля Германия объявила России войну...* [2, с. 62]. *Петров день* – 29 июня (12 июля) – заканчивается Петров пост. В этот день в православии воспеваются «Петрова твердость и Павлов разум». И для героини этот день становится началом жизненных испытаний.

Раз упоминается об именинах отца героини на Петров день, значит, отца героини зовут *Петром*, с др.-греч. «скала, камень» [6, с. 95]. Также широко известна была на Руси «Повесть о Петре и Февронии Муромских», главные герои которой стали воплощением супружеской верности и любви в ее христианском понимании. Это произведение хорошо знал И. Бунин. Для героини рассказа ее родители – образец супружеской любви и верности, и сама она прожила бы со своим избранником такую же долгую и счастливую жизнь.

Безымянная героиня помещена, таким образом, в центр ономастического поля рассказа, состоящего из прецедентных антропонимов (*Фердинанд, Врангель*), топонимов, а также идеонима и геортонима. Я героини оказывается противопоставлено целому миру, словно оно должно было раствориться в нем, разбиться о его сложность и враждебность. Но я побеждает, за безымянной героиней последнее слово в рассказе: *Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду* [2, с. 273].

Изучение роли безымянности главных героев в рассказах «Кавказ» и «Холодная осень» позволяет сделать следующие выводы.

В рассказе «Кавказ» в образе повествователя намечены все основные черты безымянных мужских персонажей других рассказов цикла, из которых складывается один обобщенный тип – скучающий, не обладающий какими-либо уникальными талантами молодой человек (часто творческой профессии), который развлекает себя тем, что играет в любовь со своей пассией (иногда не одной), но при ее утрате вдруг осознает весь трагизм потери. Настоящая любовь часто проходит по краю этих отношений. Этот герой «скрывает» свое имя (по замыслу автора).

Другое дело – безымянная героиня-рассказчица в «Холодной осени». Она противопоставлена всем мужским персонажам цикла (как безымянным, так и имеющим имена). Кроме того, она противопоставлена и героиням цикла. И в этом противопоставлении ее безымянность играет как раз важную роль. Героини, как правило, типизируют какую-либо из черт любви-страсти (самоотверженность, безрассудство, греховную страсть, самолюбование и т.п.), имя героини становится своеобразным маркером этой страсти (*Муза, Генрих, Антигона, Галя Ганская*). Героиня-рассказчица в «Холодной осени» показывает цельность характера, недостижимую по высоте для многих героев других рассказов духовность, глубину и чистоту своей души. Все это позволяет видеть в ней созданный И.А. Буниным идеал русской женщины-мученицы, жизненный путь которой напоминает жития святых. Ее образ, как луч света, пронзает «темные аллеи» человеческих душ. Отсутствие имени у такой героини – это значимое «неимение имени».

Литература

1. Бунин, И. А. Происхождение моих рассказов / И. А. Бунин // Собрание сочинений : в 9 томах. – Москва : Художественная литература, 1967. – Т. 9. – 485 с.
2. Бунин, И. А. Темные аллеи: Рассказы / И. А. Бунин. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 352 с.
3. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – Москва : Либроком, 2009. – 224 с.
4. Касаткин, Л. Л. Русский язык : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин [и др.] : под редакцией Л. Л. Касаткина. – Москва : Академия, 2001. – 768 с.
5. Скуридина, С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / С. А. Скуридина. – Воронеж, 2020. – 40 с.
6. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. / А. В. Суперанская. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 375 с.
7. Фет, А. А. Собрание стихотворений / А. А. Фет. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 238 с.
8. Чайкина, Ю. И. История русских личных имен, отчеств, фамилий : материалы в помощь учителю / Ю. И. Чайкина, С. Н. Смольников. – Вологда, 2001. – 112 с.

N.V. Komleva, E.V. Ryabova

**THE ROLE OF ANONYMOUS CHARACTERS IN I.A. BUNIN'S COLLECTION OF SHORT STORIES
«DARK ALLEYS» (ON THE EXAMPLES OF SHORT STORIES «CAUCASUS» AND «COLD AUTUMN»)**

The anonymity of a great number of main characters in the collection of short stories «Dark Alleys» has the same importance as personal names in the anthroponymic core of the onomastic space of a literary work. Although a male unnamed narrator is typical of several stories in this collection, a female unnamed narrator appears only in one story «Cold Autumn». On the basis of lexical-semantic (component) analysis, as well as linguistic and poetical analysis, the article reveals the symbolic meaning of anonymity of the heroes in two I. Bunin's stories.

Proper name in the text, onomapoetics, linguistic poetics, category of anonymity.